«ОДНОЗВУЧНО ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК...»

К 195-летию со дня рождения Александра Гурилева

Александр Гутин

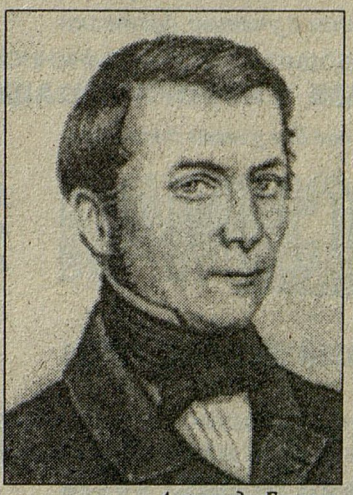
ПОПУЛЯРНЫЙ в обеих столицах и провинции журнал «Московитянин» в 1852 году писал: «Единственная вещь, которой русский не изменил ни сердцем, ни душой, — это его песня. Во всем другом он покорился влиянию времени, силам жизненных обстоятельств, требованиям века и предначертаниям судьбы, но песня по-прежнему остается для него неприкосновенностью».

Отец Александра Львовича Гурилева — крепостной крестьянин графа Орлова — в свое время был отдан в обучение к самому Сарти. Позднее Лев Степанович руководил крепостным оркестром в графском имении «Отрада» под Москвой, сочинял одновременно с Бортнянским, в основном духовную музыку. В 1831 году после смерти графа — получил вольную и вместе с семьей приписался к обществу Московской ремесленной управы, то есть стал ремесленником-мещанином. Преподавал в частных женских учебных заведениях, писал фортепьянные и хоровые сочинения и учил музыке сына Александра.

Способный ученик, тот уже в 6 лет освоил скрипку, затем альт. Игре на фортепьяно он обучался у Фильда, теории музыки у Геништы. С юных лет Саша играл в оркестре у отца, затем в квартете известного любителя музыки и мецената князя Голицына. 20-е годы прошлого века в Москве — время домашнего музицирования, крепостные оркестры играли на домашних спектаклях, праздниках и парадных обедах увертюры из опер, а на балах — мазурки, полонезы, котильоны, вальсы. В те времена еще танцевали гросфатер и экосез, которые любили и старики, вспоминая свою юность. Обычный состав такого оркестра: две скрипки, виолончель, два кларнета и флейта. Впоследствии для таких домашних оркестров Гурилев сочинит пять мазурок, два вальса, два галопа, котильон, полонез и другие танцевальные миниатюры.

Часто на домашние концерты звали казаков, служивых из контор или слуг, которые пели русские и малороссийские песни или чувствительные романсы. Публике это нравилось, петь русские песни после победы в Отечественной войне с Наполеоном стало патриотично и даже модно.

Александр еще в юности увлекся русской песней. Гурилев, а также его друзья-современники: Глинка, Алябьев, Варламов, Верстовский, используя лирическую



Александр Гурилев.

поэзию Пушкина, Баратынского, Кольцова, Фета, создали особый жанр — русский городской романс. Он получился весьма сложным по составу: сюда вошла протяжная крестьянская песня, ворвалась цыганская стихия, органично вплелась мечтательная западная баллада. Музыкальные критики называют 30–40-е годы XIX века классическим периодом русского бытового романса. По тону городская песенная лирика существовала между двумя крайностями: горьким унынием и отчаянным задором. Лучшими произведениями в этом жанре до сих пор считаются «Соловей» Алябьева, «Красный сарафан» Варламова, «Матушка-голубушка» Гурилева. В наши времена академик Асафьев назвал этих композиторов «плеядой славяно-российских бардов». Их романсы и песни с удовольствием распевали под аккомпанемент гитары и фортепьяно и мещане в небогатых квартирах, и цыганские хоры в кабаках и ресторациях, и дворяне в московских и петербургских салонах.

Особенностью творчества Гурилева, отличающей его от других мастеров этого жанра, музыковеды называют умение композитора «укладывать мелодику лирической песни в ритм плавного неторопливого вальса». На сочинения Гурилева, несомненно, оказывали влияние произведения Глинки и Даргомыжского. Это сказалось в элегии «Вам не понять моей печали», в мечтательном романсе «Внутренняя музыка». В романсах на стихи Фета «Я говорил при расставании», Аксакова «Бедная девушка ты» Гурилев приближается к жанру романса — монолога, арии, широко представленного позднее в музыке Чайковского и Даргомыжского. Гурилев внес ценный вклад в русскую музыкальную фольклористику — издал сборник «46 избранных русских народных песен» с «обильным применением вариационных приемов и характерным переинтонированием народных мелодий в духе романсов».

Уже упомянутый журнал «Московитянин» откликнулся на выход сборника довольно критической статьей, но все же отметил: «Нельзя не быть благодарным гг. Гурилеву и Грессеру за то, чем они уже подарили всех любителей и любительниц русского пения... Должно думать, что издатели в скором времени представят русской публике продолжение своего труда, так радушно принятого всеми, кому дорого национальное наше искусство и которые восхищаются им и изучают его на столько, на сколько это зависит от их воли и способности».

За 55 лет жизни Александр Львович Гурилев сочинил 88 романсов и песен: «Однозвучно гремит колокольчик», «Домик-крошечка», «Сарафанчик», «Разлука», «И скучно, и грустно»; обработал 46 русских народных песен для голоса и фортепьяно; написал 30 фортепьянных пьес, концертные фантазии на темы опер Доницетти и Глинки, вариации на темы романсов Алябьева и Варламова.

Критики отмечали, что среди других авторов романсов «Гурилев выделялся своей вокальной мелодической красивостью и приветливостью... Публику волновали его наивность и непосредственность». Метод использования Гурилевым и Глинкой приемов плясовой песни с опорой на танцевальные жанры, прежде всего вальс, впоследствии широко развился у Чайковского в его вальсовой лирике.

Несмотря на то что Гурилев был известным композитором и пианистом, он всю жизнь нуждался, давал уроки музыки, занимался нотной корректурой. Жил постоянно в Москве. Только за три года до смерти — в 1855 году — съездил в Петербург. Как писал в 1886 году «Биографический лексикон русских композиторов»: «...имел там какое-то сильное нравственное потрясение, по приезде в Москву в нем уже были заметны признаки душевной болезни. Спустя год паралич поразил у него язык, левую руку и ногу, потом он потерял всякое умственное сознание. Умер от удара». Шел август 1858 года.

И теперь, спустя 140 лет задушевно, мелодично и грустно продолжает греметь колокольчик Александра Львовича Гурилева, бывшего крепостного музыканта, одного из создателей классического русского романса. ■

Независимая газета. — 1998. — 12 сент. — с. 7